

И.А. Есаулов

Паломничество к Пасхе как духовный путь Гоголя*

Что — по сути своей — представляет собой явление, которое мы называем *биография* Гоголя? Какая позиция исследователя является корректной и адекватной самому предмету при описании — и понимании — этого явления? Когда мы начинаем задумываться над этим вопросом, мы достаточно быстро приходим к выводу, что самого скрупулезного, самого тщательного описания фактов жизни Гоголя совершенно недостаточно для гарантии хотя бы сколько-нибудь верного ее понимания.

Еще вчера можно было бы сказать, что писательскую биографию мы можем истолковывать как своего рода текст, имеющий семантическое поле значений, руководствуясь при этом известным телеологическим принципом. Но это вчера, когда было «модно» все что угодно называть «текстом» или «дискурсом». Оставим мертвым хоронить своих мертвецов.

Поздние работы Ролана Барта, Мишеля Фуко, Жака Деррида, Юлии Кристевой как и вообще открытия постструктурализма в целом убеждают в том, что в гуманитарной области любой денотат неотделим ни от позиций субъекта описания, ни от своих коннотаций.

Биография Гоголя при этом не является и не может являться каким-то небывалым семиотическим исключением.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект 11-04-00496а).

Так, если события земной жизни Христа рассматривать с апостольских позиций, они предстают в одном свете, а если те же самые события рассматривать с точки зрения законников и фарисеев, то они видятся совершенно иначе. Ясно также, что никакого «примирения» тех и других ожидать не приходится. Приходится констатировать, что «нейтральной», так сказать, равноудаленной позиции между двумя обозначенными также не существует.

Вполне понятно желание некоторых постсоветских исследователей избежать коннотативных ловушек — после тотально идеологического советского гуманитарного беспредела. Однако вернуться к позитивистским временам, временам Венгерова, настаивать на «научной безоценочности» — после открытий, совершенных в 70–80-е годы в области постструктурализма — означает «вернуться» не во вчерашний, а в позавчерашний день филологии. К тому же полной безоценочности не было и у позитивистов, «безоценочность» их позиции — всего-навсего их научная иллюзия, мнимость.

Откроем наиболее авторитетные энциклопедические издания и прочитаем, как там истолковывается вектор движения Гоголя. Литературная энциклопедия, 1929 год. Энциклопедическая статья «Гоголь» (В.Ф. Переверзева): «Московский период жизни Гоголя характеризуется продолжением неудавшейся работы над второй частью «Мертвых душ» и все прогрессирующим *психическим и физическим развалом личности* писателя, завершающимся, наконец, трагической историей сожжения «Мертвых душ» и смертью»¹. Статья завершается следующей констатацией: «...несмотря на то, что Гоголь субъективно был представителем и защитником *реакционных* интересов поместного дворянства, объективно он своей художественной деятельностью служил *делу революции, пробуждая у масс* критическое отношение к окружающей действительности. Так оценивали его в свое время Белинский и Чернышевский и таким вошел он в наше сознание»².

Однако и в авторитетнейшем — в во многом непревзойденном — Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (статья А.Н. Пыпина) речь шла о «внутренней трагедии» Гоголя, которая состояла в «противоречии его теоретического мировоззрения, его покаянного консерватизма с тем необычным социальным влиянием, которого он не ждал и не предполагал»³. О конце жизни Гоголя там же сказано следующим образом: «его поразила смерть жены Хомякова... им овладел страх смерти, он бросил литературные занятия, стал говеть на масленице; однажды, когда он проводил ночь в молитве, ему послышались голоса, говорившие что он скоро умрет <...> Он впал в мрачное уныние и через несколько дней умер»⁴. Но все-таки в русских (не советских) изданиях степень

гуманитарной неангажированности была, разумеется, большей, чем в последующие времена.

Краткая литературная энциклопедия, 1964 год. Статья «Гоголь» (Ю.В. Манна): «В 40-е годы резко усилились *реакционные* элементы в мировоззрении Гоголя, углубились его связи с *консервативно* настроенными литераторами (Жуковский, Плетнев, С.П. Шевырев, Н.М. Языков и др.)... Им все сильнее овладевали религиозно-мистические настроения, состояние здоровья ухудшалось. В 1852 году начались встречи Гоголя с протоиереем Матвеем Константиновским, *фанатиком и мистиком*. 11 февраля 1852 года, находясь в тяжелом состоянии, Гоголь сжег рукопись 2-го тома «Мертвых душ». Вскоре писатель скончался»⁵. И там же: «Творения Гоголя, *обнажившие социальные пороки царской России*, составили одно из важнейших звеньев становления русского *критического реализма*»⁶.

Наконец, статья «Гоголь» в Биографическом словаре «Русские писатели» (1989) того же автора. Последнее серьезное издание энциклопедического типа. О «Выбранных местах...»: «...книга объективно отражала и общий кризис в стране, где *царят произвол и несправие* <...> Это была утопия, причем с явными критическими тенденциями, однако ее консервативная функция состояла в том, что «идеальное небесное государство» привязывалось к реальным бюрократическим инстанциям *царской России*, которые, по Гоголю, должны осуществить свое высокое назначение»⁷. Как можно заметить, ключевыми денотатами являются слова «царская Россия», «фанатик, мистик», «консерватизм». Все эти денотаты имеют ярко выраженные негативные коннотации.

Может показаться, что другие денотаты вполне нейтральны. Например, «критический реализм», который приписывается Гоголю. Однако история советского литературоведения нам показывает, что понятие «критический реализм» также не является нейтральным, поскольку изначально имело вполне определенные коннотации. Будучи введенным Максимом Горьким на Первом съезде советских писателей в 1934 году, денотат «критический реализм» был призван обозначить предшественника другого реализма — высшему по отношению к «критическому» — соцреализма. По отношению к иной «линии» дореволюционной, но «некритической» русской литературы (сам Горький предпочитал называть ее «мещанской») «критический реализм» был «прогрессивным», однако в условиях социализма эта форма реализма, по Горькому, не могла уже быть вполне подходящей, ибо «все критикуя, она ничего не утверждала»⁸.

Изначальная оценочность денотата «критический реализм» оставалась неизменной на протяжении всего советского периода, хотя ста-

вилась порой в самые различные политические и культурные контексты. Эта оценочность коренится в определенном отношении к дореволюционному прошлому страны — «царской» России — когда годы «реакции» — по столь же негативно-оценочному определению исследователей — странным образом практически всегда оказываются периодами ее *государственной* стабильности. «Прогрессивно» же, согласно этой логике, то, что оппозиционно православному порядку Российской Империи и что этот порядок расшатывает и — в конечном итоге — взрывает.

В одном из своих выступлений здесь, в Доме Гоголя, я уже подчеркивал, что такого рода коннотации являются продуктом особой революционно-демократической мифологии, а в более широком и масштабном измерении — продуктом *левого* мифа, который совершенно неправомерно пытается позиционировать именно себя в качестве *фундамента* гуманитарной науки. Вектор духовного пути Гоголя не просто отличается от подобной мифологии, но он *противоположен* этому левому мифу.

Поэтому гораздо корректнее говорить о другом «реализме» — *христианском реализме* — как художественном принципе Гоголя. В своих выступлениях и работах я пытался обосновать корректность именно этого денотата, подчеркивая, что в таком случае научное описание той культурной системы, которой является творчество Гоголя, осуществляется с исследовательской позиции, имманентной ценностям самой этой культурной системы.

Могу предложить такую научную гипотезу. Представляется сегодня уже совершенно несомненным, что художественная задача и «Мертвых душ», и «Ревизора» — это *воскресение* героев, а, стало быть, и *воскресение* «мертвых душой» читателей (что я и пытаюсь обозначить денотатом *пасхальность*). Так, в финале «Мертвых душ» происходит художественно организованное *пасхальное чудо* воскресения «мертвого душой» центрального персонажа поэмы, а явление *подлинного* Ревизора призвано способствовать духовному воскресению зрителей гоголевской пьесы — после их «окаменения» вместе с героями произведения.

Если — так же несомненно — *жанр* «хождения» таким образом воздействовал на целое «Выбранных мест из переписки с друзьями», что некоторые более частные «проповеди» автора (такие, как «Что такое губернаторша», «Близорукому приятелю», «Занимающему важное место»), следует рассматривать не только как обращенные к эксплицированным адресатам, не только к той или иной близкой им *группе читателей* («Женщина в свете», «Русский помещик») и, наконец, не только как «путь» имплицитного читателя всей книги, призванного пройти от начала к концу организованного автором «паломничества», но *как путь самого автора*, — автор, как и читатели, *проходит свой путь* от

личного «исповедывания» и личных «проповедей» к пониманию пасхальности России.

Если для православного христианина не только Великий Пост является Паломничеством к Пасхе, но и его жизнь является также не чем иным как Паломничеством к Пасхе, то нельзя ли духовный путь Гоголя определить именно такими словами — *Паломничество к Пасхе*? Во всяком случае, некоторые частные — и загадочные — с внешней точки зрения — моменты (например, говение на Масленице) — в том контексте понимания, который я обозначил заглавием работы, являются гораздо более понятными, чем в других.

Примечания

¹ Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 2. С. 562.

² Там же. С. 573.

³ Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1993. Т. 4. С. 166.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. Стлб. 212 (курсив в цитатах здесь и далее мой. — И.Е.).

⁶ Там же. Стлб. 216.

⁷ Русские писатели: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 600.

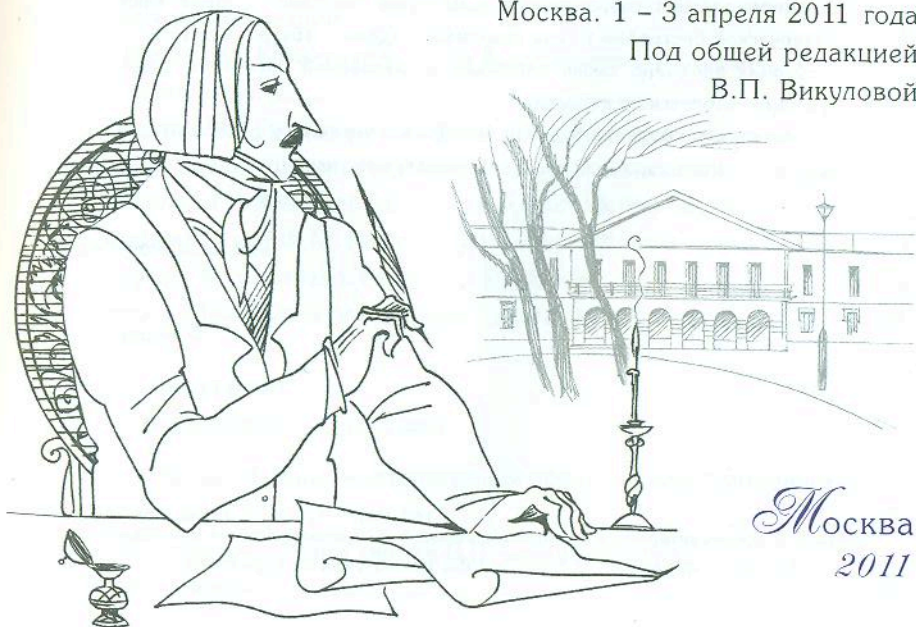
⁸ Первый съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1934. С. 17.

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА МОСКВЫ
«ДОМ Н.В. ГОГОЛЯ» – МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ И НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Одиннадцатые Гоголевские
ЧТЕНИЯ

Дом-музей писателя: история и современность

Сборник научных статей по материалам
Международной научной конференции
Москва. 1 – 3 апреля 2011 года
Под общей редакцией
В.П. Викуловой

Москва
2011